

Моя жизнь в подполье

**Александр Фёдорович
Керенский**

SHOUT **IT**
SHARE

Annotation

Глава из книги "Россия и поворотный пункт истории", в которой описаны обстоятельства нелегального пребывания бывшего премьера Временного правительства в Советской России и его побега на Запад в июне 1918 года.

- [Александр Керенский](#)

☐ [Примечания](#)

☐ [2](#)

☐ [3](#)

Александр Керенский

МОЯ ЖИЗНЬ В ПОДПОЛЬЕ

Предисловие

Что ни говорите, а главная черта бурлящего нашего времени – необычайная его вместимость. Оно готово вобрать в свою память все, что было на пути нашей истории. Это и неудивительно: мы так стремительно ринулись вперед, что волей-неволей приходится на бегу оглядываться назад и с удивлением убеждаться, что одно уже случилось, о другом нас история уже предупреждала. Тан, сама собой, а не кем-либо санкционированная, возникла «теория белых пятен», которых на наш век придется еще с лихвой.

Похоже, будто достался нам сегодня старый сундук с побитыми, поцарапанными, но все же уцелевшими негативами, с которых должны мы теперь, движимые отнюдь не праздным любопытством, сделать позитивный отпечаток. И, делая это, видим, как в гуще событий прошлого появляются и фигуры этого самого прошлого, еще вчера списанные в архив – списанные, однако, не историей (история ничего и никого не списывает, а только расставляет по местам!), но ее цензорами и доброхотными «исправителями». Они-то и делали из либералов злодеев, а из людей, которые хотели не совсем того, к чему мы пришли, – клоунов и паяцев, которые убегали от суда народа не иначе как переодевшись «в бабье». Дело и время зашли здесь так далеко, что судить сегодня об этих людях, пользуясь только поздней критикой, а не первоисточниками, довольно трудно. Теперь же выясняется, что именно они, эти люди, и оставили первоисточники – книги, своевременно до нас не дошедшие.

Так, в 1965 году вышла в Нью-Йорке – по-английски – книга «Россия и поворотный пункт истории». Разумеется, сначала следовало бы напечатать ее по-русски, тем более что и написана она русским языком и тем более что автор ее не кто иной, как Александр

Федорович Керенский – фигура в русской истории, хотим мы того или не хотим, куда как примечательная, а до некоторой степени даже узловая.

Конечно, такие факты, как тот, например, что Керенский учился в той же Симбирской гимназии, где и Ленин, и что юридический факультет тем и другим одинаково успешно окончен, не более чем истерические совпадения. Но действовали-то они в одну эпоху и на одном историческом этаже, а это уже существеннее, так что биографические черты из жизни будущего премьера России приобретают особый интерес.

Следует напомнить, что в 1912 году тридцатилетний адвокат и уже известный политический деятель избирается депутатом Четвертой Государственной думы, где сразу возглавляет оппозицию. Социал-революционер по убеждениям, Керенский намеревается даже вступить в боевую организацию и участвовать в готовившемся тогда покушении на Николая II. Но в дело вмешивается небезызвестный провокатор Азеф, эту организацию возглавлявший и решительно отказавшийся принять в нее нового члена на том основании, что у Керенского «нет никакого революционного опыта». Что касается опыта, сказать трудно, но, согласитесь, довольно странно выглядит после этого ярлык «пособника самодержавия», навешенный на Керенского впоследствии официальной историографией... Впрочем, подробная политическая биография Керенского – дело будущего, и во многом основываться она должна на книгах, им оставленных, в том числе и на той, главу из которой мы предлагаем читателям.

Нужно, однако, сказать, что из-за объема материала за бортом повествования пришлось оставить весьма интересные факты, – например, о Распутине, царице Александре Федоровне и Николае II, – факты, которые до сих пор не были известны. Но если они представляют собой до некоторой степени интимный и, так сказать, пикантный интерес, то факты, касающиеся современного автору исторического процесса, вызовут, несомненно, интерес общественный. Так, основываясь на документах, Керенский опровергает, кстати сказать, и на Западе распространенную легенду о том, что до октября семнадцатого года «только десять процентов населения России были грамотны». На самом деле средние и высшие учебные заведения России по социальному

составу учащихся были самыми демократическими в мире, и если в 1906 году в стране было 76 тысяч школ с общим числом учащихся около четырех миллионов, то к 1915-му стало уже 122 тысячи школ и более чем восемь миллионов учащихся.

Не менее впечатляющими оказываются и другие сообщаемые автором и документально подтверждаемые факты: например, колоссальный рост кооперативного движения в России, которое к 1916 году насчитывало десять миллионов пятисот тысяч членов; или то, например, что за пять лет – с 1900-го по 1905-й – промышленное производство России увеличилось более чем на 50 процентов, а к 1913-му – на 290 процентов. Но это, как выразился один писатель, информация к размышлению, которое, возможно, и последует, когда книга будет издана.

Предлагаемая глава касается одного эпизода, где рассказывается о том, как в октябре семнадцатого, воспользовавшись своей популярностью, Керенский сумел уйти от охоты на него и почти полгода нелегально жил в России. Оценивать и трактовать написанное будет, конечно, читатель, но все же нелишним представляется сказать, что в предисловии к своей книге, сравнивая работу историка и мемуариста, Керенский подчеркивает, что тот и другой должны быть объективны только в отношении фактов, истолкование же их зависит от взглядов и симпатий автора. Пусть эта оговорка станет и предисловием к нашей публикации.

Алексей Каретников

31-го октября 1917 г. генерал Краснов послал казачью делегацию в Красное Село под Петроградом, чтобы они вступили там в переговоры о перемирии с большевиками. Ранним утром 1 ноября делегация казаков вернулась в сопровождении большевистской делегации, которую возглавлял матрос П.Дыбенко. (В 1937 г. Дыбенко был расстрелян одновременно с Тухачевским.) Переговоры казаков с большевиками происходили в нижнем этаже Гатчинского дворца в присутствии ген. Краснова и его начальника штаба полковника Попова.

Я ждал конца этих переговоров в моей квартире на верхнем этаже, как вдруг внезапно ко мне вошли несколько друзей, сообщивших тревожные вести: переговоры почти закончены, казаки согласились выдать меня Дыбенке в обмен на обещание

выпустить казаков домой, на Дон, с лошадьми и оружием.

Гатчинский дворец был почти пуст. Оставалась только небольшая группа преданных людей, которые были посредниками и информировали меня о ходе переговоров. Мы знали о полной деморализации казаков и о тайной работе, происходившей вокруг нас. Но нам казалось невероятным, чтобы генерал Краснов или командиры казачьего корпуса унизились до простого предательства.

Около 11 час. утра ко мне пришел генерал Краснов. Если до сих пор у меня были основания подозревать его, то во время разговора с ним эти подозрения превратились в уверенность. Краснов старался уговорить меня поехать в Петроград для переговоров с Лениным. Он убеждал меня, что под охраной казаков я буду в полной безопасности. Он считал, что это единственный выход из создавшегося положения. Вспоминая теперь прошлое, я понимаю, как трудна была миссия генерала, который, конечно, по природе не был предателем. Около полудня мои «наблюдатели» пришли наверх и сообщили о конечных результатах переговоров. Было решено выдать меня Дыбенке, а казаков пропустить на Дон.

Шум и крики, доносившиеся снизу, усиливались. Я настаивал, чтобы все, кроме моего личного адъютанта Н. В. Виннера, покинули дворец. Виннер и я решили живыми не сдаваться. Мы решили застрелиться в задних комнатах дворца, в то время как казаки и матросы искали бы нас в передних комнатах. Тогда – утром 14 ноября 1917 г. – это наше решение было вполне логичным и единственно правильным. Но вот, в то время как уходившие люди попрощались со мной, дверь открылась и на пороге появились двое мужчин. Одного из них, в штатском, я знал раньше, другой был матрос, которого я никогда не видел. «Поторопитесь, – сказали они, – не дольше чем через полчаса разъяренная толпа будет штурмовать вашу квартиру. Снимайте свою походную форму – скорее!» Через несколько секунд я превратился в матроса довольно нелепого вида: рукава куртки были слишком коротки, а мои коричневые башмаки совсем не гармонировали с обмотками, матросская шапка была слишком мала и торчала на макушке. Маскировка заканчивалась выпуклыми автомобильными очками. Я обнял своего адъютанта, и он вышел через соседнюю комнату.

Гатчинский дворец был построен полубезумным императором Павлом I в виде средневекового замка и представлял собой род ловушки. Он был окружен рвами. Единственный выход был через подъемный мост. Одной надеждой на спасение было пройти через вооруженную толпу к автомобилю, который должен был нас

ждать на переднем дворе. Матрос и я пошли к единственной лестнице в коридоре. Мы шли машинально, как бы не сознавая грозившей нам опасности. Наконец беспрепятственно мы дошли до переднего двора, но автомобиля там не было. В отчаянии мы повернули назад, не говоря друг другу ни слова. Мы выглядели, наверно, очень странно. Люди, толпившиеся у ворот, смотрели на нас с любопытством, но, к счастью, некоторые были на нашей стороне. Один из них подошел к нам и шепнул: «Не теряйте времени! Автомобиль ждет у Китайских ворот». Он предупредил нас вовремя, так как толпа уже двигалась в нашу сторону и мы начали испытывать сильное беспокойство. Но как раз в этот момент молодой офицер с перевязанной раной внезапно «лишился чувств», чем привлек к себе внимание толпы и вызвал смятение. Мы поспешили воспользоваться этим и выбежали со двора на улицу. Там мы пошли прямо к Китайским воротам, выходящим на дорогу к Луге. Здесь мы пошли медленно, громко разговаривая, чтобы не навлечь на себя подозрений.

Мой побег был обнаружен минут тридцать спустя толпой казаков и матросов, ворвавшихся в мою квартиру на верхнем этаже. За нами немедленно во всех направлениях были посланы автомобили, но нам опять повезло. Мы увидели извозчичью пролетку, медленно приближавшуюся к нам вдоль пустынной улицы. Мы позвали извозчика и предложили ему за хорошую плату отвезти нас к Китайским воротам. От изумления он раскрыл рот, когда под конец поездки получил 100 рублей от двух матросов. Здесь нас ждал автомобиль. Я вскочил в машину и занял место рядом с офицером, сидевшим за рулем. Матрос сел на заднее сиденье с четырьмя или пятью солдатами, вооруженными ручными гранатами.

Шоссе на Лугу было великолепное, но мы ежеминутно оглядывались назад, ожидая появления преследователей. В случае погони мы решили использовать все ручные гранаты, лежавшие на заднем сиденье. Несмотря на сильное волнение, шофер казался вполне спокойным, а по временам даже насвистывал веселый мотив Вертинского.

Удача нам сопутствовала и дальше, благодаря чему наши преследователи нас не нагнали. Мой личный шофер, оставшийся в Гатчинском дворце, был предан мне. Он знал, что мы уехали в Лугу, но, когда мое исчезновение было обнаружено, он попросил дать ему самый скорый автомобиль, и он догонит «негодяя». Зная, что ему действительно было нетрудно нас догнать, он инсценировал по дороге «аварию».

Наконец мы доехали до леса, закрипели тормоза. «Выходите, Александр Федорович», – сказал офицер. Мой матрос, которого

звали Ваня, пошел со мной. Мы вошли в глубину лесной чащи – вокруг ничего, кроме деревьев. Я недоумевал, что все это значит? «До свидания, Ваня вам все объяснит, а мы должны уезжать». Автомобиль тронулся и быстро исчез. «Видите ли, у моего дяди здесь в лесу есть домик, – пояснил Ваня. – Это место спокойное».

Мы пошли по заросшей тропинке, ведущей в глубь леса. Внезапно мой спутник сказал: «Мы почти дошли». Мы вышли на полянку и увидели перед собой небольшой домик. «Вы пока посидите минутку, а я пойду узнаю, что там делается». Ваня вошел в дом, но быстро вышел обратно и сказал: «Прислуги нет, горничная вчера ушла. Мои дядя и тетя рады вас принять. Пойдемте».

Это было началом моей жизни в лесном убежище, где я провел 40 дней. Болотовы, пожилые супруги, сердечно меня приняли. «Не беспокойтесь! Все будет хорошо!» – утешали они меня. Конечно, они вполне отдавали себе отчет в той опасности, которой подвергались. 27 октября газета «Известия» опубликовала сообщение под заглавием «Арест бывших министров»: «Коновалов, Кишкин, Терещенко, Малянтович, Никитин и другие арестованы Революционным Комитетом. Керенский скрылся. Все военные организации прилагают все усилия, чтобы в кратчайший срок разыскать его, арестовать и привезти в Петроград. Всякая помощь или поддержка, оказанные Керенскому, будут наказуемы, как государственная измена».

Мои преследователи искали меня повсюду. Но им не приходило в голову, что я скрывался не где-то на Дону или в Сибири, а жил, можно сказать, почти у них под носом, между Гатчиной и Лугой.

Пока что мне не оставалось ничего другого, как лежать и заниматься изменением своей внешности. Я отрастил себе бороду и усы. Борода, к сожалению, мало изменяла лицо, так как она отросла аккуратной каймой, оставляя подбородок и всю нижнюю часть лица совершенно открытыми. Все же к концу сорока дней благодаря очкам и отросшей шапке густых нечесаных волос мне удалось принять вид студента-нигилиста 60-х годов.

Я никогда не забуду тех долгих ноябрьских ночей. Мы были все время настороже, Ваня совершенно не отходил от меня. У нас было несколько гранат, и мы были готовы использовать их в случае надобности. Днем было все спокойно, и при солнечном освещении прошлое казалось отдаленным и нереальным. Но ночью я снова переживал все случившееся и весь ужас этой пляски дьявола, начавшейся в нашей стране.

Против захвата Лениным власти первыми подняли голос протеста лидеры Совета Крестьянских Депутатов. Уже 26 октября

они выпустили свое воззвание, объявляя революцию в опасности. Этот исторический документ появился в газете социалистов – революционеров «Дело Народа», в номере от 28 октября 1917 г. 8 и 9 ноября два верных друга принесли мне петроградские газеты, в том числе «Новую Жизнь» Максима Горького от 7 ноября, где Горький резко выступил против Ленина и Троцкого.

Такая же резкая статья была и в «Деле Народа». Эти статьи побудили меня написать открытое письмо от 8 ноября, которое мои верные друзья отвезли в Петроград. Оно было напечатано в газете «Дело Народа» в номере от 22 ноября 1917 г.

В эти дни жизнь мне казалась невыносимой. Я предвидел, что в близком будущем Россия испытает самые тяжелые удары.

18 декабря Крыленко доложил Совету Народных Комиссаров, что русская армия не способна больше сражаться. Германское Верховное Командование было, конечно, об этом осведомлено. Между тем в Берлине военная партия непримиримых империалистов, ослепленных идеей мирового господства, выдвинулась на первое место.

Когда 2 января 1918 г., после продолжительного перерыва, вновь открылась конференция в Брест-Литовске, Германская делегация настаивала на праве оставить свои войска в Польше, Литве, Белоруссии и Латвии «по стратегическим соображениям».

Общественное мнение в России было ошеломлено. Многие из самых лютых врагов Ленина соглашались сражаться бок о бок с ненавистными им большевиками, когда дело зашло о защите родины. Условия, предложенные немцами, угрожали вызвать раскол даже в рядах компартии. В партийных комитетах больших городов и в Балтийском флоте все громче раздавались протесты и требования прекратить переговоры с немецкими империалистами. Шли толки о возможности революционной войны. Было совершенно ясно, что подобная война приведет к падению Ленина, а с ним и его мечты о превращении России в базу для будущей пролетарской революции на Западе. Ленин понимал, что эти патриотические чувства, возникающие внезапно и охватывающие даже партийных лидеров, должны быть искоренены любой ценой.

Под конец моего сидения в лесном домике я был занят одной мыслью: пробраться в Петроград и приехать туда до открытия Учредительного Собрания. Я считал, что это моя последняя возможность сказать стране и народу то, что я думаю о положении.

В начале декабря двое саней подъехали к нашему домику. Несколько солдат в меховых шапках вылезли из саней, вооруженные винтовками и ручными гранатами. Это были наши

смелые верные друзья, приехавшие, чтобы отвезти нас в потайное лесное место по дороге в Новгород.

Это лесное имение принадлежало З.Беленькому, богатому торговцу лесом. В зимнее время оно было совершенно изолировано от остального мира, и полуразрушенная усадьба была почти погребена под снегом. Сын Беленького служил в гарнизоне в Луге. Он и был организатором моего побега из Гатчины. Теперь он приехал, чтобы забрать меня, как обещал. Я переоделся так, чтобы стать похожим на своих спутников.

Сын Беленького, я и трое или четверо матросов сели в первые сани и двинулись в путь. На вторых, следовавших за нами, ехали еще пять солдат. Никто из встречающих не обращал на нас внимания, так как везде тогда было много солдат, дезертировавших с фронта. Мы добрались до нашего места назначения поздно ночью. Была светлая зимняя, холодная ночь. Несмотря на угрозы советского правительства всякому, кто окажет мне помощь, эти люди были и очень добры и даже весело настроены. Своим вниманием ко мне они как бы старались ободрить меня. После недели моей жизни в этой усадьбе Беленький поехал на несколько дней в Петроград и вернулся с предложением нам переехать поближе к столице. Опять мы двинулись на наших санях, вооруженные винтовками и ручными гранатами, распевая солдатские песни, шутя и смеясь.

Но несколько позже нам пришлось пережить неприятное приключение. Когда мы были уже на окраине Новгорода, оказалось, что Беленькому был дан неверный адрес. И дом, к которому мы подъехали, был занят главным управлением местного совета. Мы поспешно отъехали, но следующий дом, куда мы приехали, оказался домом для умалишенных. Мы въехали на их территорию и очутились около женского отделения госпиталя. Там же была и квартира директора. Беленький и я вошли туда. Директор, который был предупрежден о моем приезде, принял нас радушно и предложил нам обоим остаться у него. Но Беленький, спешивший вернуться к своим товарищам, вышел, и мы остались с доктором вдвоем. Доктор сразу просил меня быть совершенно спокойным.

Я оставался в госпитале дней шесть и не испытал никакого беспокойства. Вскоре мои друзья появились опять и столь же неожиданно, как и в первый раз, чтобы отвезти меня на следующий этап нашего путешествия. Беленький пришел ко мне, коротко сказав: «Надо ехать. Сани ждут.» «Куда мы теперь едем?» – спросил я

Он засмеялся «Мы едем ближе к столице. Вы можете пробывать некоторое время в имении вблизи Бологого.»

Имение было очень большое. Дом был окружен густым лесом. Мы остановились перед охотничьим домиком на полянке, откуда виднелась только крыша главного здания. Домик был из двух маленьких комнат, в одной стояла железная печка и в углу лежала вязанка дров. Кроватей не было, но было много соломы.

На следующий день Беленький пошел в большой дом, чтобы повидать владельцев, которые рассыпались в извинениях. Они ждали нас несколькими днями позже, и потому помещение не было готово. А в большой дом они боялись нас пригласить из за прислуги и большого числа гостей, приглашенных ими к Рождеству. Но нас окружили заботой и любовью, и мы чувствовали себя совсем как дома. В сочельник, к ужину, наши хозяева прислали нам много всякой еды. А в канун Нового года – мой последний в России – они пригласили нас наконец к себе, устроив так, что вся прислуга в этот день была отпущена.

На следующее утро я должен был ехать в столицу. Беленький сказал, что мы должны прибыть в столицу без всякой задержки. Он также рассказал мне, что вооруженная демонстрация в день открытия Учредительного Собрания запрещена Центральными Комитетами антибольшевистских социалистических партий и они решили организовать только мирные манифестации поддержки Учредительного Собрания.

Положение создалось совершенно нелепое. Лозунг «Вся власть Учредительному Собранию» теперь был бессмыслен. Было совершенно ясно, что правильно избранное Учред. Собрание не могло бы сосуществовать рядом с диктатурой, которая отрицала самую идею суверенности народа. Учред. Собрание имело бы смысл только тогда, если бы оно пользовалось поддержкой правительства, которое бы согласилось признать его высшей политической властью. Но уже к концу 1917 г. в России не было такого правительства. И лозунг «Вся власть Учред. Собранию» теперь имел только смысл, как объединяющий призыв для всех, кто готов был продолжать борьбу с узурпаторами.

По некоторым причинам, которых я в то время не знал, Союз Защиты Учредительного Собрания не мог вести действенной борьбы. Но даже если это и так, говорил я сам себе, если Учредительному Собранию суждено погибнуть, пусть оно выполнит свой долг по отношению к народу и стране, погибнув с достоинством и так, чтобы сохранить живым дух свободы.

План был таков. Я должен был попасть на московский ночной поезд, который останавливался в Бологом в 11 час. ночи. Поезда тогда были переполнены, и в большинстве шли без света, особенно вагоны третьего класса. Мне был дан номер вагона, в котором ехали мои сторонники, и я должен был сесть где-нибудь

в углу, чтобы быть насколько возможно незаметным. Мы приехали на станцию вовремя и в ожидании поезда, который опоздал, ходили взад и вперед по платформе. У меня все еще была охрана из людей, вооруженных ручными гранатами, но мы уже настолько привыкли к этому странному образу жизни, что почти не принимали никаких предосторожностей и громко говорили между собой. Но вот внезапно один из моей охраны подошел и сказал: «Будьте осторожны, некоторые из железнодорожников с другой стороны наблюдают за вами. Смотрите, они идут к нам». Мы смолкли. Группа железнодорожных рабочих перешла с московской платформы на нашу сторону и шла прямо к нам. Мы были уверены, что все пропало. Но они, почтительно поклонившись, сказали: «Александр Федорович, мы узнали вас по вашему голосу. Не беспокойтесь, мы вас не выдадим». Таким образом, моя охрана стала двойной. После этого случая все шло гладко. Поезд пришел, и нас втолкнули в предназначенный для нас вагон, где было очень темно. Так, без инцидентов мы приехали в Петроград, где извозчик развез нас по заранее подготовленным адресам Учред. Собрание должно было открыться 5 января 1918 г., и казалось, что мой план выполнялся очень хорошо. В течение ближайших 3 дней я предполагал побывать в Таврическом дворце, где должно было собраться Учред. Собрание.

2 января Зензинов, член фракции социалистов-революционеров в Учред. Собрании, пришел со мной повидаться. Но наш, сперва очень дружеский, разговор превратился в бурный спор. Я сказал ему, что считаю своим долгом присутствовать на открытии Учред. Собрания. У меня не было входного билета в Таврический дворец, но я надеялся, что с моей измененной внешностью я легко могу пройти по билету какого –нибудь неизвестного провинциального депутата. Мне нужна была только помощь получить такой билет, и я думал, что мои друзья в Учред. Собрании об этом позаботятся. Но они наотрез отказались от этого. Зензинов сказал, что для меня слишком опасно появляться на открытии сессии и что я не имею права подвергать себя подобному риску. Он указал, что я ведь – главный враг большевиков. Я возражал, что своей жизнью я вправе распоряжаться сам и он не отговорит меня от появления в Учред. Собрании, – я убежден в правильности своего решения. Если бы я был заключен в Петропавловскую крепость, мне было бы действительно физически невозможно присутствовать на собрании, но поскольку я на свободе, я считаю своим долгом прийти туда. Я напомнил Зензинову о статье, которая появилась в газете социалистов-революционеров «Дело Народа» 22 ноября

1917 г. под заглавием «Судьба Керенского». В ней говорилось, что бывший глава Российской Республики и лидер революции вынужден был скрыться, что по приказу тех, кто узурпировал государственную власть, самое имя его стало запретным, но что Керенский вернется к политической жизни при открытии Учред. Собрания и даст народу отчет о своей политической деятельности за те 8 месяцев, когда он был министром, а потом премьер-министром Революционного Временного Правительства. И тогда пусть судит сам народ, как о положительных, так и об отрицательных сторонах его работы. Я сказал Зензинову, что приехал именно для того, чтобы дать отчет о своей разносторонней деятельности. Зензинов подумал минуту и затем сказал, что положение в Петрограде радикально изменилось. «Если ты появишься в собрании, всем нам будет конец». – «Нет не будет, – возразил я. – Я приехал, чтобы спасти вас, я знаю, что я буду мишенью всех бешеных атак, а вы останетесь в стороне». Но я тут же почувствовал, что этот аргумент бестактен, и потому рассказал ему о том, что я действительно хочу сделать, но с условием, чтобы он никому об этом не говорил до моей смерти. Думаю, что он, вероятно, решил, что мой план «совершенно безумный», но он был тронут до слез и, пожав мою руку, сказал: «Я обсужу с остальными».^[1]

Но это был только дружеский жест с его стороны. Когда на следующее утро он пришел, мы опять говорили, но уже гораздо спокойнее, и я больше не спорил, когда окончательный ответ был «нет».

В роковой день 5 января столица была похожа на осажденный город. Так называемый «Чрезвычайный штаб» был создан большевиками за несколько дней до этого, и весь район вокруг Смольного подчинен распоряжениям ленинского соратника Бонч – Бруевича. А весь район вокруг Таврического дворца находился под бдительным надзором большевистского коменданта Благоднава. Сам дворец был окружен до зубов вооруженными войсками, кронштадтскими матросами, латышскими стрелками. Часть этих отрядов заняла позиции внутри здания. Все улицы, ведущие ко дворцу, были отрезаны кордонами этих войск.

Мне нет надобности описывать это первое и единственное заседание Учредительного Собрания. Невозможное обращение вооруженных бандитов с «избранными представителями народа» было много раз описано теми, кто пережил эти ужасные часы 5-6 января. Рано утром 6 января Учред. Собрание было разогнано грубой силой и двери Таврического дворца заперты на замок. А мирные толпы, собиравшиеся, чтобы выразить свою поддержку Учред. Собранию, были рассеяны пулеметным огнем.

После легко удавшейся большевикам победы над Учред. Собранием почти немедленно произошло убийство Шингарева и Кокошкина, бывших министров Временного Правительства. Они не присутствовали на открытии Учред. Собрания, ибо находились под арестом в Петропавловской крепости. Поздно вечером 6 января их перевели в Мариинскую больницу, где они были помещены в отдельную палату, охраняемую солдатами. Ночью 7 января банда солдат и матросов вошла в палату под предлогом смены караула, и оба кадетские депутата, которые отдали всю свою жизнь служению свободе и демократии, были заколоты штыками в кроватях.

9 января в «Новой Жизни» Максим Горький опубликовал замечательную статью о разгоне Учредительного Собрания.^[2]

После разгона Учред. Собрания атмосфера в Петрограде стала невыносимой, и для меня было бесцельно здесь оставаться. Поэтому было решено, чтобы я уехал в Финляндию, пока положение несколько прояснится. Финляндия была тогда на пороге открытой гражданской войны. Власть была в руках финской социал-демократической партии, которую поддерживали большевистские солдаты и матросы Балтийского флота. Я был в контакте с группой в Хельсинки, которая всегда была в дружеских отношениях с социалистами-революционерами. Но чтобы попасть в Финляндию, нужно было получить разрешение от советских властей. Мы получили разрешение без особых затруднений для двух пассажиров, но проверка на вокзале железной дороги была очень строгая.

Мы решили сначала, что мне, пожалуй, было бы хорошо заgrimироваться, но, к счастью, передумали, представив себе, каково будет мое лицо после поездки на сильном морозе, а потом в натопленном вагоне. Решили рискнуть и ехать без грима.

В.Фабрикант, смелый и опытный конспиратор, предложил проводить меня в Хельсинки. Отсутствие грима спасло нам жизнь, потому что вагоны поезда были действительно так натоплены, что мое лицо стало бы похоже на картину художника – пуантилиста. Все шло хорошо, и, как во многих случаях раньше, мы не подозревали опасности в самые опасные моменты. Мы прошли пункт «красной проверки» без всяких неприятностей. И скоро приехали в маленькую уютную квартиру, принадлежавшую молодому шведу, где мы и должны были остаться жить. Тут было мирно и спокойно, но это спокойствие продолжалось недолго. Отвечая на призыв генерала Маннергейма, многие молодые люди, независимо от их политической принадлежности, бросали свою службу и присоединялись к антибольшевистским силам в северной части Финляндии. Я вспомнил беспомощность и

пассивность всего образованного петербургского общества, а также и революционно-демократических кругов. И на меня производило глубокое впечатление свойственное финской интеллигенции национальное сознание. Мой хозяин объяснил нам политическое положение в этой казавшейся мирной столице. «Я скоро уеду на север, и тогда здесь, вероятно, никого не останется. Но мы сделали все необходимое для вас. Наши друзья будут ждать вас в окрестностях Або неподалеку от Ботнического залива». Это была моя следующая остановка.

Там я жил комфортабельно и все время был информирован обо всем происходившем в России и в Европе, так как мой хозяин, владелец молочной фермы, часто ездил в Хельсинки и привозил все новости. У меня было такое чувство, что он человек политически активный, и это предположение скоро подтвердилось довольно необычным образом.

Как-то в конце февраля, за несколько недель до того как германские войска пришли на помощь Маннергейму, ко, мне, когда я был один, подошел мой хозяин и сказал: «Давайте поговорим по душам, хорошо?» – «Конечно». – «Вы знаете, что мы вели переговоры с Берлином о присылке войск. Часть германского высшего командования придет сюда заранее и останется здесь. Это будет не так скоро, но мы должны были сообщить в Берлин, что вы здесь. Пожалуйста, не беспокойтесь, мне разрешено сказать вам, что ваша безопасность гарантирована и никто беспокоить вас не будет». – «Я глубоко благодарен вам за ваше гостеприимство, – сказал я, – но я остаться не могу. Мне невозможно было бы пользоваться германским покровительством. Пожалуйста, попросите г-жу Ю.^[3] прийти ко мне немедленно. Я попрошу ее поехать в Петроград и устроить там все для моего возвращения в Россию»

Мой хозяин был, несомненно, в контакте со штабом Маннергейма, но он высказал полное понимание моей просьбы. «Я не согласен с вами, но я немедленно пошлю телеграмму г-же Ю.».

Когда г-жа Ю. пришла ко мне, я рассказал ей о своем положении. Через несколько дней она поехала в Петроград и вернулась со следующим сообщением: «Ваши друзья просили меня отговорить вас от возвращения. Оно сейчас было бы бесцельно».

«Хорошо, – ответил я, – тогда я поеду самостоятельно. Пожалуйста, попросите ваших людей устроить мне поездку и сообщите, когда я могу ехать. Здесь остаться я не могу. Вы должны понять это, как понял мой хозяин». Она сделала все, что я у нее просил.

9 марта 1918 г. я сел в поезд. На этот раз это не было купе второго класса, а вагон третьего класса, набитый пьяными, горластыми солдатами. На Финляндском вокзале в Петрограде снег лежал огромными кучами на платформе, его не вывозили. Когда я выходил из вагона с чемоданом в руке, я поскользнулся и упал прямо лицом вниз. Солдат и матрос подбежали, чтобы помочь мне встать. Со смехом и шутками они вернули мне мою шапку и чемодан.

– Ступай, братец, да поосторожней.

Мы пожали друг другу руки.

Носильщиков не было. Перед вокзалом такси не было. Трамваи не ходили. Идя один, со своим тяжелым чемоданом, я скоро оказался в толпе пассажиров с мешками, узлами, корзинами, чемоданами. В те смутные времена пешеход, нагруженный узлами, не представлял собой ничего особенного. Это был наилучший способ, чтобы пройти незамеченным. Никто из милиционеров или полицейских агентов не заметил бы бородатого «врага народа», скромно бредущего по Литейному проспекту с тяжелым чемоданом.

Не составив себе никакого плана, куда идти, я шел вдоль Литейного, свернул в Бассейную и вышел на 9-ю Рождественскую. Я даже не представлял себе, какое огромное расстояние я прошел, пока дошел до квартиры моей тещи. К счастью, улица была пуста и прислуги не было дома. Но все-таки было бы слишком рискованно оставаться так близко к улице, где раньше помещалась моя фракция в Думе и где меня хорошо знали. И я пошел ночевать первую ночь в один дом на Васильевском Острове.

Я не помню обстоятельств, при которых я получил копию моих показаний в Чрезвычайной комиссии по делу Корнилова. Эта неожиданная возможность написать правду об этом деле меня очень обрадовала. Теперь правда была признана самими участниками, но в это время истинные факты были неизвестны и в широкой публике, и в политических кругах. Перечитывая свои собственные показания, я снова переживал все дело, был в состоянии восстановить его в памяти и лучше освежить отдельные его подробности. Моя книга «Дело Корнилова» вышла в свет летом 1918 г. в Москве.

Целью моей было не только отмежеваться от Корнилова, но и обезвредить наиболее сильное оружие большевистской пропаганды, расколовшее единство демократических сил.

Однажды, когда я работал над моим манускриптом, стараясь восстановить в памяти атмосферу России прошлого лета, когда новая и лучшая жизнь казалась еще возможной, в это время

снаружи вдруг донеслись звуки военного оркестра. Подойдя к окну, я услышал какие-то крики и увидел жалкое зрелище. Разрозненная, мрачного вида толпа двигалась по улице: это было «празднование» 1-го Мая. Рабочие несли знамена, но демонстрация совсем не казалась праздничной. Ничто не говорило о радости пролетарской победы. Мне вспомнился день 18-го апреля (мая 1-го) 1917 года. Тогда «капиталистическое» правительство объявило 1 Мая национальным праздником. Все заводы, фабрики, государственные учреждения, магазины – все было закрыто. Тысячи рабочих, солдат, матросов, служащих и людей различных профессий маршировали с флагами и оркестрами, распевая русскую марсельезу. Тысячи митингов происходили тогда во всех частях города: это был радостный праздничный день.

Незадолго до моего возвращения из Финляндии Совет Народных Комиссаров переехал в Кремль (9 марта 1918 г.). Все центральные политические комитеты, руководства союзов, управления крестьянских организаций и т. д. последовали за правительством в Москву. Петроград стал пустым и политически мертвым городом.

После того, как я отправил по почте свой манускрипт моим друзьям в Москву, не было больше смысла оставаться в опустевшем Петрограде. Тем более что скрывающийся человек никогда не должен слишком долго засиживаться на одном месте.

В то время как я спокойно жил в Петрограде, в России бушевала жестокая гражданская война. Зимой 1917-1918 гг. начались бои между донскими казаками и Добровольческой армией, с одной стороны, и Красной армией – с другой. Согласно условиям Брест-Литовского мирного договора германские войска заняли прибалтийские государства и Украину. Большевицкая власть не распространялась на Сибирь. Крестьянские восстания шли по всей России. Члены распущенного Учред. Собрания собрались тайно в Самаре, чтоб организовать свержение местных органов большевицкого правительства, и, образовав Комуч (Комитет Учредительного Собрания), открыли военные действия против узурпаторов. Я решил поехать в Москву и установить контакт с друзьями, в надежде двинуться потом в восточном направлении, пересечь большевицкую линию и выйти в район Волги или Сибири. Свой отъезд в Москву мне удалось быстро организовать.

Нас было трое на Николаевском вокзале. Мы ждали ночного поезда на Москву. Меня сопровождал мой друг В. Фабрикант и один из высших чиновников Министерства Земледелия. Нам было обещано отдельное купе. Но когда мы вошли в это купе, там

сидел почтенного вида человек. Мы сели, начали разговаривать. Незнакомец не принимал участия в нашем разговоре. Он вскоре влез на верхнее спальное место и захрапел. Мы трое оставались сидеть на одном из нижних мест. Обсуждали события, говорили о том, что происходило в Министерстве Земледелия этим летом и осенью. Забывшись, в разговоре мы нечаянно повысили голоса. Была уже поздняя ночь, когда мы вдруг вспомнили, что с нами в купе – четвертый пассажир. С верхней койки не слышалось ни звука. Успокоившись, мы устроились на остаток ночи и заснули

Когда мы проснулись, в окно шел яркий дневной свет. Мы приближались к Москве. Верхняя койка была пуста. Мы были очень встревожены, хоть наши подозрения могли оказаться и неверными. Но чтобы по возможности обеспечить себя, Фабрикант и я решили выпрыгнуть из поезда, когда он замедлит ход в предместьях города, а третий наш спутник доедет до главного вокзала с нашим багажом. Дорога от предместья до центра Москвы заняла у нас много времени. После пустых петербургских улиц улицы Москвы казались оживленными и многолюдными. Было почти невероятно, что за нами никто не следил. Если наше предположение было верно и четвертый спутник действительно выдал нас, то нас должны были бы ждать на вокзале.

Мы шли по улице, придавая себе вид праздно гуляющих, чтобы не навлечь подозрений. Один раз мы даже присоединились к небольшой кучке людей, читавших очень интересное объявление о первом выпуске «новой интересной политической газеты – «Возрождение», который должен был появиться 1-го июня. Список редакционной коллегии и сотрудников состоял из знакомых нам имен. Большинство были социалисты – революционеры и принадлежали к так называемому правому крылу. Объявлялось также, что в «Возрождении» будут помещены «Мемуары А. Ф. Керенского». Я с удовлетворением убедился, что моя рукопись вовремя получена.

Наконец мы дошли до места нашего назначения, до квартиры Е. А. Нелидовой, где – то в районе Арбата, вблизи Смоленского рынка. Нелидова приняла нас как старых друзей, хотя мы никогда раньше с ней не встречались.

После завтрака Нелидова и Фабрикант выработали для меня расписание. Они назначили для меня «дни визитов» и выразили готовность установить необходимые контакты. Несмотря на серьезность нашего дела, наши переговоры были так свободны, как будто мы говорили о каких-то общественных развлечениях. Но я не мог не задать вопроса Нелидовой: не боится ли она риска, которому подвергается? Ее ответ дал объяснение и перемене

моего собственного настроения. Оказывается, жизнь в Москве была совершенно необыкновенная. Советское правительство только что переехало в Кремль, и органы власти находились еще в стадии становления. Известная тюрьма на Лубянке еще не стала неотъемлемой частью системы, и там действовали пока добровольцы. Хотя аресты, облавы и смертные казни были уже довольно обычным явлением, но все это еще как следует не организовалось и выполнялось беспорядочно.

Этому общему беспорядку много способствовали и немцы. Чека Дзержинского существовала наряду с некоторыми германскими учреждениями, и они поддерживали между собой тесный контакт. Ленин занимал Кремль, а германский посол фон Мирбах занял большой особняк в Денежном переулке, день и ночь охраняемый отрядом германских солдат. Обыватели были убеждены, что Мирбах действительно может влиять на пролетарский режим. Ему подавались жалобы на Кремль, а монархисты всех оттенков добивались протекции Мирбаха. Берлинское правительство проводило ловкую политику: кремлевские правители получали от него финансовую помощь, и в то же время немцы делали авансы по отношению к крайним монархистам, на случай если большевики окажутся непрочны. Монархистов также поощряли и в Киеве, где бывший генерал Скоропадский сделался гетманом независимой Украины по милости германского императора. Под защитой германского верховного комиссара Скоропадский при каждом удобном случае ярко демонстрировал свои монархические симпатии. Общей путанице содействовали также центральные комитеты самых влиятельных антибольшевистских и антигерманских партий: социалистических, либеральных и консервативных, проводивших свою работу под самым носом кремлевских правителей.

Руководители всех этих организаций устраивали собрания с различными представителями союзников России, причем ранг каждого дипломата зависел от значения, которое придавалось «союзниками» данной организации. Само собой разумеется, что все эти организации работали конспиративно, и это было относительно легко осуществимо, так как система Чека была еще слабо организована. Даже лица, разыскиваемые большевиками, включая меня, могли конспиративно встречаться. Вполне понятно, что многие авантюристы и агенты разведок просачивались в бесчисленные комитеты и «миссии». Этот политический хаос пришел к печальному концу с восстанием левых эсеров, когда был убит фон Мирбах; когда было произведено неудачное покушение на Ленина, из-за чего были бесчеловечно убиты тысячи заложников. Но это все произошло

позже.

В мое время гораздо легче было заниматься конспиративной деятельностью в Москве, чем в Петрограде. Здесь без труда можно было устраивать и встречи на квартире Нелидовой, и мои посещения тайных собраний. Теперь мне кажется совершенно невероятным, что так называемая «Бабушка русской Революции» Екатерина Брешковская, заклятый враг большевиков, могла свободно посещать меня. Однажды вечером, когда я провожал ее домой, мы даже прошли мимо дома фон Мирбаха.

Я сказал Брешко-Брешковской, что привело меня в Москву, и объяснил ей мой план пробраться дальше в район Волги. Но она спокойно возразила: «Они не пропустят вас». Под словом «они» она подразумевала членов Центрального Комитета партии социалистов-революционеров, с которыми она порвала из-за меня. Она была хорошо осведомлена о наступлении в левых кругах и рассказывала мне очень подробно о внутренних расхождениях в партии, о неуверенности и общем хаотическом состоянии.

Я не помню точно дату этого разговора, но знаю, что он происходил после того, как я встретил Бориса Флеккеля, моего очень молодого приятеля, рабочего из Петрограда, прекрасного и очень преданного мне человека. Он тоже собирался проехать в Волжский район и очень рад был бы сопровождать меня. Он взялся за необходимые переговоры. Но через несколько дней пришел ко мне печальный и молчаливый. Единственно, что он мне сказал: «Затруднения». Ясно, что некоторые лидеры партии относились ко мне недоброжелательно. Вскоре я узнал, почему они не одобряли идеи моей поездки на Волгу. В то время «Союз Возрождения России» был занят важной политической работой. Я еще в Петербурге узнал о существовании этой организации, но имел только смутное понятие о ее работе и целях. После октябрьской революции и Брест-Литовского договора все крупные политические партии раскололись на множество фракций, часто враждебных друг другу. «Союз Возрождения России» не был обычной коалицией социалистических и демократических партий: он представлял собой своеобразную организацию. Некоторые его члены принадлежали к народно-социалистической партии, другие к социал – революционерам, к кадетам, к Плехановской группе «Единство», к «кооператорам»

Все они были объединены общим подходом к основной цели и созданием необходимости согласованных действий. Они были убеждены, что национальное правительство должно быть создано на демократических принципах в самом широком смысле этого понятия и что фронт против Германии должен быть восстановлен

с помощью западных союзников России. Восстановление фронта получило сильную поддержку не только политических сторонников Союза, но и тех партий, к которым члены Союза принадлежали. Того же направления держался и «Национальный Центр», организация, включавшая кадетов и другие умеренные и даже консервативные группы, которые не признавали Брест-Литовского договора. «Национальный Центр» был тесно связан с Добровольческой Армией генералов Алексеева и Деникина. Я был горячим сторонником приемлемого национального правительства, а также активного военного союза с союзными державами. Я считал работу «Союза Возрождения России» жизненно важной для нации.

Я решил не препятствовать деятельности Союза и не способствовать росту разногласий между этими двумя патриотическими организациями, у которых и без того было много собственных идеологических трудностей. Я верил, что в конце концов они преодолеют свои трудности и предрассудки и объединятся в своей любви к народу и в исполнении своего долга перед государством. Я полагал, что люди типа ген. Алексеева, Чайковского (народный социалист), Астрова (кадет), Авксентьева (соц. – революционер) восстановят подлинную государственную власть, основанную на принципах духовной и политической свободы, равенства и социальной справедливости, заложенных февральской революцией.

Поэтому я принял предложение «Союза Возрождения России» отправиться за границу, чтобы вести там переговоры с союзниками на условиях, выработанных «Союзом Возрождения».

Перед моим отъездом были приняты все меры, обеспечивающие мне возможность поддержания связи с Москвой. Мой отъезд был назначен на конец мая через Мурманск, где стояли британские и французские войска, охранявшие большие склады военного снаряжения и всякого другого снабжения. На этот раз я поехал в так называемом экстерриториальном поезде для сербских офицеров, которые репатриировались. Глава репатриационной комиссии полковник Иованович (серб) распоряжался этими специальными поездами и по просьбе моих друзей охотно выдал мне документы на имя сербского капитана Британская виза была выдана на мое имя Локкартом, британским генеральным консулом в Москве, который после отъезда всех союзных послов оставался там в качестве специального эmissара. Локкарт выдал мне визу, не обращаясь телеграфно в Лондон за официальным разрешением. Гораздо позже он сказал мне, что должен был поступить так, потому что Министерство Иностранных Дел отклонило бы мою просьбу о визе.

В день отъезда Фабрикант и я приехали на вокзал еще до наступления сумерек. Мы без труда узнали двух сербских офицеров в форме, они любезно проводили нас на нужную нам платформу, где мы смешались с толпой пассажиров. Поезд был полон до отказа, но нам были предоставлены места в вагоне 2-го класса, предназначенном, очевидно, для офицеров. Было совершенно ясно, что некоторые из них знали, кто я. Путешествие казалось бесконечным. Одноколейная Мурманская дорога имела бесчисленное множество запасных путей. Без всякой видимой причины наш поезд часами стоял на разъездах.

Я не могу точно вспомнить, сколько времени это продолжалось, но, вероятно, поездка продолжалась дней 10. Наконец мы приехали в Мурманск, бывший в то время скучным, заброшенным городом. Все пассажиры пошли прямо в порт, занятый союзниками, хотя сам город подчинялся советской власти и мы должны были пройти через ее контроль. Но советские солдаты едва взглянули на наши документы. Потом мы пошли в очередь к офицеру союзников, который по списку проверял наши имена. Мой спутник и я были встречены двумя французскими морскими офицерами, которые взяли нас на свой крейсер «Генерал Хоб». На борту сербский офицер предъявил капитану наши настоящие документы. В продолжение всей нашей поездки до Мурманска эти бумаги хранились у начальника «экстерриториального» поезда. Когда я покидал мою родную землю, мне не приходило в голову, что никогда больше не ступит на нее моя нога.

Когда сознание моих обязанностей опять вернулось ко мне, я стал внутренне подготавливаться к встрече с представителями Англии и Франции. Я, конечно, был хорошо осведомлен об их отношении к Временному Правительству и ко мне лично, но это меня нисколько не смущало. Я был делегирован той частью России, которая отказалась признать сепаратный мир с Германией. Моя задача заключалась в том, чтобы добиться немедленной военной помощи союзников для того, чтобы восстановить русский фронт и тем обеспечить России место в будущих мирных переговорах.

Через несколько дней мы увидели вдали Оркнейские острова, одну из главных баз Британского флота, и вскоре мы вышли на берег Турзо. Тут я впервые в моей жизни ступил на нерусскую землю. Мы переночевали в этом мирном городе, которого война, по – видимому, не коснулась. На следующий вечер мы сели в поезд и утром 20 или 21 июня 1918 г. прибыл я в Лондон.

В моей жизни началась новая полоса, которая, как я думал, должна была скоро кончиться, но которая все еще останется

незаконченной.

Примечания

1

По чисто личным причинам я не могу даже теперь раскрыть содержание моего плана (*Прим. автора*).

Статья М. Горького, под заглавием «9 января – 5 января», посвященная расстрелу большевиками участников демонстрации в защиту Учредительного Собрания.

Г-жа Ю. была дочерью отставного финского полковника русской армии.